

Петр Мамонов

ЯСНОСТЬ

Издательство АСТ
Москва

Тайна
СЛЕД ЖИЗНИ

Крокодил неподвижный в болоте,
мутный глаз шевелится, следит.
Кот, застывший в урчащей дремоте,
только делает вид, что он спит.

Крошка
А, вот, бабочка просто, наивно
мне уселась на палец, сидит
и внутри у меня непрерывно
незаметное сердце стучит.

Тайна жизни

Крокодил неподвижный в болоте,
мутный глаз шевелится, следит.
Кот, застывший в урчащей дремоте,
только делает вид, что он спит.

Крошка бабочка просто, наивно
мне уселась на палец, сидит
и внутри у меня непрерывно
незаметное сердце стучит.

Лентяй

Напиток в чашке на столе,
не съеденный обед,
не выключенный по его вине,
всегда горящий свет.

Полустанок

Станция стоит прямо.
Стрелочник не спит.
Наверху черная яма.
Под ногами гравий, песок, гранит.

Электроток

Строчат засохших листьев нитки строчат
узор прекрасный и живой.
Избыток дней свои попытки
спешит закончить. Золотой
убор деревьев и кустарник,
серебряный от рос седых,
он мне помощник и напарник
свершением чудес простых.

Общая осень

В поле кошенном трава,
серые былинки,
оторвется голова,
полетит простынка,
сна душистого покой
от земли и в землю.
Свет струится сам собой,
свету небо внемлет.
По краям лугов — леса, лесá
будто их и нету,
и косая полоса
не перечит свету.
И не спорят ветер, пыль
с этой дрожью малой.
Телеграфный столб-костыль
смотрит, одичалый.

Колодец

Молниеносные приметы
качающегося дня.
Края колодца стёрты, спеты.
Совсем не движется вода.

Без ума

Русыми волосами распущенными,
выгоревшими садами запущенными,
пожелтевшей газетой на стенке,
смородинного варенья пенкой,
детской неожиданностью,
вот этого уголка никогда не виданностью,
старого дерева дуплом,
сухих еловых иголок прошлогодним ковром —
всем заново возродившимся старьём
осень обнимает, тормошит и укутывает.

Воскресенье

Ослепило солнце.
Цапнуло бедро.
Колоколовонца
катится ведро.
Воскресенья верхи, вёрхи
пропасти суббот.
Закрывает дверки
на ночь наш народ.
Утром — нараспашку!
вечером — в запой,
в клочья рвет рубашку,
малиновый, не злой.

Первый день

Снега нет еще, но лёд
тоненькою коркой
утром руку колет, жжет
и хрустящей горкой
кустик зелени забытой,
стебельки петрушки.
И дрожат совсем открыто
в поле трав верхушки.

Чужая боль

Топтанье по снегу, круги, по́ снегу
рубиновая зорька.
Одеты в лед, стоят враги
не вредные нисколько.
Друзья вдали, глаза закрыв,
уткнули нос в подушку.
И сумерки, дверь приоткрыв,
повесили игрушку
на елку темную в углу —
проснутся, будут рады.
Смотрю на них сквозь снега мглу,
сквозь белый иней сада.

Машинистка

Вторые экземпляры
у девушки Тамары
хранятся в папке чистой,
работается быстро,
стучит, строчит машинка,
листа по серединке
вкралась ошибка злая,
её не замечая,
влюбленная Тамара
второго экземпляра
еще одну страницу
кладет к другим. Ресница
упала на машинку,
лежит.